

Всё перевернётся*

Семья не может быть семьёй, если хотя бы кто-то вечно не опаздывает. Женя собиралась на концерт, который должен был стартовать через час. Сборы начались давно, но в отличие от мужа, который уже одетый сидел на диване, листая рилсы, Женя только высушила волосы.

— Жень, как так-то? — возмущался Лёша. — Если мы опоздаем на концерт, то никаких шмоток ты месяц, а может и больше, не берешь.

— Да не опоздаем мы, Лёш! — ответила Женя. — И вообще, ты хоть раз слышал, чтобы концерты начинались точь-в-точь? Всегда ждут таких, как мы — опоздunов.

— Не как мы, а как ты! Я придумал тебе наказание, Жень. Пять минут опоздания будут тебе стоить месяца без покупок. Как тебе мотивация? — Лёша потёр ладоши, предвкушая возмущения. Бесить жену было его хобби.

— Значит, и тебе я там тоже ничего не смогу заказать? У тебя же день рождения через две недели, — Женя вовсе не собиралась беситься и была очень спокойна. Не её ведь любимая группа выступала.

— А ты ещё не заказала подарок что ли?

— Пока нет. Вообще-то я думала, что билеты на концерт и будут подарком.

— Ну, ладно. Подарок хороший, — согласился Лёша. — Но будет ещё лучше, если мы не опоздаем.

Женя с этим согласилась и, напевая что-то себе под нос, быстро начала краситься.

— Вызывай такси, мне осталось только одеться! — крикнула она из ванны. — Ещё же доехать надо.

Таксисту Жоре пришёл заказ в приложении. Он, быстро изучив его, развернулся и

поехал в сторону адреса подачи. Жора недавно устроился в такси, решив скопить своей маме на отпуск. Она всегда мечтала побывать в южных странах, но не выпадало возможности. Сначала надо было Жору на ноги поставить, а потом работы навалилось. Отпуск проходил исключительно дома, потому что про покупку путёвки мама Жоры постоянно забывала.

Когда таксист проезжал по дворам, у машины пробило колесо. У Жоры пока такого не случалось. Доставая записку из багажника, парень параллельно звонил клиентам, чтобы предупредить о задержке. Клиент нервно согласился подождать, взяв слово с таксиста, что они точно успеют вовремя. Жора поклялся, что он сделает всё возможно, чтобы не опоздать.

До начала концерта оставалось чуть больше двадцати минут, когда Лёша с Женей о чём-то бурно споря, уселись в автомобиль к Жоре.

— Я прошу прощения за опоздание, но колесо пробило, — сразу же сказал водитель такси. — Постараюсь успеть.

— Очень сильно постарайтесь, — строго ответил Лёша. — Я терпеть не могу опаздывать.

— Лёш, ну, ты чего? — водитель тут не причём.

— Я знаю, но зато ты причём! — прикрикнул Лёша.

И конфликт стал разрастаться, как попкорн в микроволновке. Они даже не следили за временем, хотя уже было начало девятого.

— Ну, вот, мы опоздали! — подытожил Лёша. — Женя, блин, в следующий раз один пойду.

— Ну и пойдёшь! Можешь и жить один, раз тебе что-то не нравится. Как кот Матроскин на чердак может пойдёшь? Тебе оттуда всё и всех будет видно.

— Всё, молчи!

— Ничего страшного, если мы опоздаем на десять минут. Я уверена, что ничего ещё не началось.

На телефон Жоры позвонили. Он попросил пассажиров чуть потише говорить, предупредив, что звонит мама.

Включилась громкая связь в автомобиле.

— Жора! — встревоженно вскрикнула мама. — Ты где?

— На работе, мам. Что случилось? Что с голосом?

— Надеюсь, что ты не рядом с "Мякинино"**.

— Почти уже тут, — ответил Жора.

— Стой, Жора! Не ездь!

— Что случилось-то, мам?

— Там теракт в Крокусе! Без разбора людей стреляют. Не ездь, сынок!

Лёша и Женя молча переглянулись. Машина резко остановилась, не доехав до Крокус Сити Холла примерно пятьсот метров. Звуки стрельбы и крики были слышны даже отсюда.

Памяти жертв, которые, к сожалению, пришли вовремя, но ушли слишком рано.

**"Всё перевернётся" — одна из песен группы "Пикник". В названии рассказа скрыта, как отсылка к любимой группе Лёши, так и к событиям, перевернувшим жизнь многих*

***"Мякинино" — станция метро рядом с "Крокус Сити Холлом"*

Где Аркаша?

Аркаша любил чистоту в доме. Его легко могли вывести из себя разбросанные носки, кошачья шерсть или кофейное пятно на столе. Эту нездоровую любовь ему привила мама, которая всегда говорила: "В каком состоянии дом, в таком и хозяин". Когда Аркаша был маленьким и дома затевалась уборка, то помытому полу нельзя было ходить, пока он не высохнет. Ведь могли остаться следы. Мальчик лежал на диване, наблюдая за тем, как медленно сохнут разводы на линолеуме и восхищался чистотой.

Аркаша хотел, чтобы все знали, что он молодец и состояние его дома — прекрасное, но не хотел звать в гости даже маму. Она могла нарушить идиллию, над которой он усердно корпел долгое время.

— Аркаш, ну, ты совсем уже загнался с этой чистотой, — позвонила мама сыну. — Я так ни невестки, ни внуков не дождусь.

— Почему, мам? У меня уже есть девушка, но она не хочет с тобой знакомиться, потому что интровертка.

— Итро кто? — не поняла мама.

— Интроверт, мам.

— Понятно, — с ноткой злости ответила мама. — А вы как познакомились тогда, Аркаш?

— Я у неё дома убирался.

— Порядок — это хорошо.

Да, кстати, Аркаша с такой безумной любовью к уборке, конечно же, основал своё клининговое агентство.

— А! Работал у неё, — поняла мама. — И как её зовут?

— Агата.

— Аркаша и Агаша, — тут же выпалила мама. — Ну, да, звучит вроде. А лет ей сколько?

— Мам, ну, что за допрос? Ты же итак всё знаешь.

— Ну, мне же интересно, как у тебя жизнь складывается.

— Всё складывается, как и должно. Ладно, мам. Мне надо ехать по работе. Потом созвонимся.

Значит, у Аркаши есть Агата, а она об этой Агате ни сном, ни духом. Мама решила поехать к сыну и ждать у подъезда, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Дело в том, что она не знала как себя вести в новых для себя ситуациях. Её прекрасный сын никогда не знакомил со своими девушками, если они вообще были. Мама села на лавочку рядом с подъездом и ждала.

Алевтина Аркадьевна, так звали маму Аркаши, за время ожидания успела позвонить нескольким подругам, чтобы спросить совет. Подруги давно уже внуков нянчили, поэтому все ответили практически одно и то же: "Не лезь ты к нему!", "Он - мужик. Сам всё решит", "Познакомит, когда время будет. Иди домой". И только одна подруга выделилась, посоветовав не уходить, пока всё не расскажет. Естественно, Алевтина Аркадьевна прислушиваться к большинству не хотела.

Уже стемнело, а сына не было. Алевтина Аркадьевна посмотрела в окна квартиры и увидела горящий свет.

— Либо свет не выключил, либо обманул меня, — кряхтела мама, вставая с лавочки.

Она постучалась в дверь и услышала шаги, а потом беспокойное шебуршание. Алевтина Аркадьевна постучалась ещё раз.

— Аркаша, я знаю, что ты дома. Открывай! Я тебя слышу!

Замок в двери щёлкнул. И перед мамой появилась девушка. Алевтине Аркадьевне она показалась очень красивой, милой и доброй, хотя та даже слова не сказала.

— Здравствуйте, — тихо сказала девушка.

— А вы, наверняка, Агата?

— Нет, меня зовут Нина, — смущённо ответила девушка.

— А где Агата?

— Не знаю, — пожала плечами девушка.

— А Аркаша где?

— Какой Аркаша?

— Ну, как? Сын мой, — нервничала женщина. — Вы меня не разыгрывайте. Аркаша!

Женщина попыталась войти в квартиру, но Нина преградила ей путь.

— Арка-а-а-ша!

— Послушайте, — перебила Нина женщину. — Аркаши тут нет. Проходите и я вам всё объясню.

Нина проводила женщину на кухню и налила чай. Она извинилась и предупредила, что ей надо позвонить. Алевтина Аркадьевна разглядывала незнакомый интерьер, новую посуду, цветы на подоконнике и даже заметила пыль на столешнице. Пыли у Аркаши быть не могло.

— Я не понимаю, Нина, а где мой сын?

— Алевтина Аркадьевна. Вы чай пейте, а я вам всё расскажу, — суется у столешницы, кинула Нина.

Девушка села напротив, налив и себе кружку зелёного чая. Она сделала глубокий вдох и объяснила:

— Во-первых, это моя квартира, а не Аркаши. Во-вторых, не знаю, как бы мягче

сказать, но сына вашего нет.

— Ну я знаю, он уехал по работе. Сейчас я ему позвоню.

Нина отвела взгляд и начала нервно поправлять салфетку на столе. Девушка обратила внимание, что в трясущихся руках Алевтины Аркадьевны игрушечный телефон. Он не звонил, а лишь просто лежал в руке, как пульт от телевизора.

— Вашего сына никогда не было, — резанула Нина. — Сейчас кое-кто придет и всё объяснит.

Через несколько минут в дверь снова постучали. Вошёл коренастый мужчина в лёгкой щетиной на лице. Он кивнул Нине и прошёл на кухню, не снимая обуви.

— Алевтина Аркадьевна, а вы что тут? В гости пришли?

— А вы кто? — поинтересовалась женщина.

— Да вы чего? Я — Дмитрий Леонидович. Вы меня не помните?

— Где мой сын!? — рявкнула женщина. — Почему вы так себя ведёте, как будто я сумасшедшая?

— Сын? А, ваш сын у меня в гостях сейчас, — нашёлся Дмитрий Леонидович.

— По работе? Он у вас порядок, наверное, наводит?

— Да, да, да. Именно, — спокойно ответил мужчина. — Пойдёмте со мной. Я к нему вас привезу.

— Порядок — это хорошо, — приговаривала Алевтина Аркадьевна.

Женщина немного сопротивлялась, но потом глянула на Нину и сказала:

— Аркаша бы тут порядок навёл. Приберись, Нина. Будь я с твоей мамой, то научила бы.

Нина, словно громом поражённая, осталась на кухне, а мужчина уводил из квартиры Алевтину Аркадьевну. Та обернулась и прошептала:

— Приберись.

Дым от сигарет медленно поднимался к потолку, растворяясь в полумраке кабинета психиатрической клиники.

— Она снова вспомнила сына? — спросил худой мужчина с усами.

— Да, она требовала Аркашу, — ответил Дмитрий Леонидович, глубоко затянувшись.

— Мне так жаль эту женщину. Травма на всю жизнь.

— Потерять сына во время родов и мужа один день — это невыносимо. Столько лет прошло.

Они в раз затянулись и выпустили дым через ноздри.

— А Нина как? — спросил усатый.

— С такой мамой жить сложно... Они обе уже утонули в этом. Нина пытается играть роль, а Алевтина принимает это за правду. Это замкнутый круг.

— Как бы Нину не пришлось сюда везти.

— Сплюнь, — буркнул Дмитрий Леонидович. — У Алевтины Аркадьевны рецидив. Подлечим, а там посмотрим стоит ли вообще её отпускать обратно.

Дмитрий Леонидович затушил сигарету.

— У Нины своя семья, двое детей, муж. Думаю, что всё будет в порядке.

— Аркаша, — как будто вспомнил усатый. — Что сказать ей про Аркашу?

— По старой схеме, — подмигнул Дмитрий Леонидович. — Аркаша скоро приедет. Он передал, что любит. Потом она забудет.

— Под таблетками?

— Ага, — вздохнул Дмитрий Леонидович и развёл руками. — Под таблетками.

— А что сказать Нине?

— Нам ей нечего сказать. Я заеду к ним завтра, объясню всё. Думаю, что выдержит. Тем более, уже не впервой.

Нина плакала на кухне, разглядывая старые фотографии в альбоме. На фото были папа, мама с большим животом и маленькая Нина. Все улыбались и шурились от яркого солнца в ожидании Аркаши. Тогда ещё никто не знал, что это последнее их совместное фото. Никто не подозревал, что Аркаша будет лишь в воображении одного человека, а папа попадёт в страшную аварию по пути в роддом. Никто не знал, что Нина больше не сможет вот так улыбаться рядом с мамой. Никто не знал, что для Нины жизнь превратится в бесконечное обслуживание чужой галлюцинации.

Девушка поправила фотографию, которая чуть-чуть покосилась.

— Порядок — это хорошо, — приговаривала она. — Это хорошо.

Как Ольга захотела пахлавы

Ольга резко захотела пахлаву. Беременным всегда что-то резко хочется: понюхать, пописать, поплакать, смотреть турецкие сериалы, а ей хотелось пахлавы. Потому, что в турецких сериалах её часто кто-нибудь да ел. И почему-то не бородатый красавчик, а какая-нибудь тётя Чайханэ.

Ольга захотела быть, как тётя и позвонила мужу, который пахал, как проклятый.

– Алло, Толя, купи, пожалуйста, пахлавы, когда домой поедешь. Сможешь?

– Оленька, – устало выдохнул Анатолий. – Может, что-нибудь попроще? Время уже девятый час, где я её найду? Мы ж в Чите, а не в Таджикистане или Турции.

– Да у нас в городе таджиков и турков уже столько же, сколько и на их родине.

Просто надо места знать.

– И где?

– В киосках фруктовых. Там она есть.

– А если нет, то что взять?

– Толя, да её не может там не быть.

– Ладно, сейчас закончу на работе и сразу туда.

– Ты мой самый лучший и любимый, – восхищалась Ольга.

Прошёл час. Ольга досматривала очередную серию турецкого бесконечного сериала. Не было ни Толи, ни пахлавы. Зазвонил телефон.

– Алло, Толя. Ты где?

– Ищу пахлаву тебе. Все киоски закрыты. Время позднее.

– Ладно, – надулась Ольга. – Придётся голодать.

– Хорошо, – ответил Толя, осознав, что без пахлавы не получить похвалы. – Я ещё сейчас в один магазин съезжу. Может быть, там есть.

– Я же говорила, что ты лучший?

– Ой, всё, Оль. Не начинай.

Анатолий отключил звонок и позвонил знакомому таджику, который периодически приезжал на диагностику автомобиля.

– Толя, брат! Здравова, брат! – начал таджик. – Случилось чего, брат? Чего так поздно?

– Да вроде ещё не ночь, – взглянув на часы, ответил Анатолий. – Здравова, Амир! У тебя нет случайно пахлавыв? Жена беременная и очень хочет поесть её. Домой без пахлавыв лучше не ехать, иначе кабзда.

– Понял, брат. Можешь не продолжать, – ответил Амир. – Сейчас один звонок сделаю и будет твоей даме лучшая пахлава.

– Спасибо, Амир! Выручил. Жду звонка.

Прошло полчаса. Не было ни звонка, ни Амира, ни пахлавыв.

– Амир! Ну, что там? – спросил Анатолий, позвонив знакомому.

– Брат, пахлава едет. Приезжай ко мне в офис. Я пока тут. Заберёшь.

– Добро, – ответил Анатолий фразой любого уважающего себя мужчины.

Мужчины встретились в офисе. Естественно, надо было выпить в знак благодарности, поговорить в знак приличия и обняться в знак уважения. На это ушёл ещё почти час.

Анатолий приехал домой. В квартире был выключен свет, работал телевизор и играла турецкая музыка.

Анатолий прошёл в спальню. Жена уже спала, укрывшись покрывалом.

– Оля, – попытался разбудить жену Анатолий. – Я пахлавыв привёз. Добыл!

Он так радовался, будто бы убил мамонта.

Ольга повернулась к мужу и, не открывая глаз, ответила:

– Я вот никогда пахлаву не любила, а теперь так хочется.

– Так вот она, – протянул коробочку Анатолий.

– Толь, я спать хочу. Пахлава подождёт.

Она тут же уснула, как будто на неё наложили заклятие. До беременности такого не было.

Опять же, до беременности и турецких сериалов не было в жизни Ольги.

– Это я чё, зря носился? – оторопел Анатолий, а потом передразнив жену, добавил.

– Пахлава подождёт. А раньше нельзя было сказать?

– Ты что-то сказал или слышалось? – пробурчала Ольга.

– Не, не, не, – отмахнулся Анатолий. – Просто хоть какой-то похвалы ждал.

– Забавно, – ответила Ольга. – Ты ждал её, а я – тебя. Мы всегда чего-то ждём. Но ожидания не всегда оправданы...

Ольга ещё философствовала сквозь сон пару минут, а потом заснула. До беременности такого не было.

"Лишь бы в Турцию не захотела от этих сериалов", – подумал Анатолий. – "И имя ребёнку не из сериала выбрала".

Толя выключил телевизор и пошёл попить чай с пахлавой в знак похвалы самому себе – мужчине, который смог не просто привезти сладости, но и не спалиться, что пил.

Что такое любовь?

Что такое любовь Лёва узнал из телевизора. Когда живёшь в однокомнатной квартире, где двухъярусная кровать отделена шкафом, родителям не получается хорошо спрятаться.

Лёва тихо переворачивался туда, где обычно лежат его ноги и, едва приподняв одеяло, глазел в телевизор. Из-за шкафа всё было видно. Главное, чтобы родители не заметили подглядывающего ребёнка. Мама и папа, обнявшись, смотрели романтический фильм. Лёва ничего в нём не понимал, кроме того, что тётя любит ходить голой, а дядя автоматически в неё влюбляется, как только она раздевается. Потом они сильно любят друг друга и Лёве даже становится не по себе от таких сцен.

Досмотрев примерно до середины, мальчик стал засыпать. Он переживал за главных героев, потому что любя друг друга, они болели. Их тела покрывались потом, а Лёва знал, что если потеешь, то есть температура. Ещё дядя и тётя постоянно охали. Явно им было очень плохо от любви. Мальчик перевернулся обратно на подушку и решил на утро узнать у мамы с папой почему любовь так жестока. Он заснул, а Шерон Стоун и Майкл Дуглас пытались уже не любить, а убить друг друга.

За завтраком Лёва молчал, задумавшись об увиденном ночью. Лерка, его сестра, рассказывала маме свои сны, а папа брился в ванной. Дождавшись, когда Лера, наконец, закончит историю, Лёва обратился к маме:

— Мама, а вы с папой любите друг друга?

— Что за вопросы, Лёв? Если бы мы не любили, то вас бы тут не было. Мамами и папами становятся только по любви, — потрепав волосы сыну, ответила женщина.

- То есть, чтобы мы появились на свет, вам приходилось болеть?
- Почему болеть?
- Потому, что ты сама говоришь: "Лёва, ты весь мокрый, у тебя что температура?", и у меня оказывается правда она есть.

Женщина выключила кран с водой, вытерла руки полотенцем и уселась между детьми на табуретку.

- Я не понимаю откуда у тебя такие мысли с утра пораньше, Лев Андреевич, но дай-как я сначала потрогаю твой лоб. Вдруг температура?
- Нет у меня её, – отмахнулся Лёва. – Я просто ночью подглядел кино, которое вы с папой смотрели. Там тётя постоянно раздевалась, а дядя её любил. И когда они вместе любили, то потели, охали и лежали в постели без сил. Это же явный признак болезни!

Мама зарумянилась, а Лерка ехидно улыбалась, зная, что брату сейчас влетит по первое число за эти проделки. Женщина взяла руки сына в свои и слегка улыбнулась. Она ответила:

- Глупый ты мой Львёнок. Во-первых, подглядывать нехорошо. Во-вторых, если мы с папой смотрим кино без вас, то, значит, вам его пока рано смотреть. Ну, а, в-третьих, отвечая на твой вопрос, любовь – это не болезнь. И не всегда потеют только, когда болеют. Спортсмены, танцоры и даже папа, копающийся в гараже с машиной, тоже потеют, да? Любовь – это чистое, нежное чувство. А охали главные герои в кино, потому что получали удовольствие. Вырастешь и всё поймёшь.
- Значит, наша бабушка по несколько раз в день получает удовольствие, постоянно охая?

Мама не сдержалась от смеха. Лера тоже захихикала, закрыв рот ручками. Просмеявшись, мама ответила:

– Нет, конечно. Ей просто тяжело. Чем старше мы становимся, тем тяжелее нам делать то, что легко сейчас делать вам. Вырастешь и поймёшь почему.

– Очень интересно. То есть, пока я не вырасту, я ничего понимать в этой жизни не буду? – возмутился Лёва.

– Будешь, но всему своё время, а теперь завтракай и гулять. Лера вон уже всё съела, а ты всё любопытствуешь.

Лёва принялся кушать бутерброд с маслом и колбасой, запивая всё чаем с молоком. После каждого глотка он делал громко и протяжно: "О-о-ох!". Вышедший из ванной папа спросил:

– Что это ты охаешь? Устал что ли?

– Нет, – прожёвывая бутерброд, отвечал Лёва. – Я получаю удовольствие.